

УДК 327.5

DOI: 10.34670/AR.2026.88.14.029

Публичная дипломатия БРИКС в Центральной Азии: от soft power к гуманитарному влиянию

Сайфуллин Марат Рамильевич

Аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: saifullin@mail.ru

Терешина Елена Александровна

Кандидат политических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: teralena2010@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция публичной дипломатии БРИКС в Центральной Азии — от традиционных инструментов «мягкой силы» к формированию устойчивого гуманитарного влияния. Авторы анализируют институциональные механизмы и практические проекты БРИКС в регионе, выявляя их роль в конструировании позитивного образа объединения и продвижении альтернативных западным моделям развития. Особое внимание уделяется культурно-образовательным обменам, научно-техническому сотрудничеству и молодежной политике как ключевым направлениям гуманитарного присутствия. Делается вывод о трансформации публичной дипломатии БРИКС из набора разрозненных инициатив в системный инструмент формирования долгосрочных ценностно-ориентированных связей, способствующих укреплению многополярного миропорядка.

Для цитирования в научных исследованиях

Сайфуллин М.Р., Терешина Е.А. Публичная дипломатия БРИКС в Центральной Азии: от soft power к гуманитарному влиянию // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 227-242. DOI: 10.34670/AR.2026.88.14.029

Ключевые слова

Публичная дипломатия, БРИКС, Центральная Азия, мягкая сила, гуманитарное влияние, культурная дипломатия, образовательные обмены, многополярность, международные отношения, региональное сотрудничество, внешняя политика.

Введение

В условиях трансформации международных отношений возрастает роль публичной дипломатии как инструмента продвижения национальных интересов через гуманитарное, образовательное, культурное и информационное взаимодействие. Развитие глобальных коммуникаций, цифровизация и усиление влияния негосударственных акторов расширили традиционное понимание дипломатии и повысили значение инструментов «мягкой силы» в мировой политике.

Теоретической основой исследования публичной дипломатии является концепция *soft power*, предложенная Дж. Наем [Най, 2004; Най, 2010]. Согласно ей, международное влияние государства определяется не только военными и экономическими ресурсами, но и способностью формировать привлекательный образ страны через культуру, политические ценности и внешнюю политику.

Особую актуальность эти процессы приобретают в деятельности государств БРИКС. При этом они активно развивают инструменты публичной дипломатии, укрепляя гуманитарное присутствие в странах Глобального Юга через образовательные программы, научное сотрудничество, культурные проекты и цифровые коммуникации.

Важным пространством реализации таких стратегий выступает Центральная Азия. Географическое положение региона, его значение для евразийской интеграции, молодая демографическая структура, цифровизация и многовекторная внешняя политика делают его значимым объектом гуманитарного взаимодействия и конкуренции различных моделей международного влияния. Это определяет интерес к изучению публичной дипломатии государств БРИКС в регионе [Аминов, 2021; Садыков, 2020].

Несмотря на расширение состава БРИКС в 2024-2025 гг., в настоящем исследовании объектом анализа выступают страны-основатели объединения (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), поскольку именно они сформировали базовые институциональные, идеологические и гуманитарные практики сотрудничества в рамках БРИКС. Включение новых членов требует отдельного анализа и выходит за рамки настоящего исследования. Выбор первоначальной пятерки БРИКС обусловлен тем, что именно данные страны обладают наиболее длительным опытом реализации гуманитарных стратегий в Центральной Азии, что, как следствие, позволяет осуществить корректное типологическое сравнение.

В научной литературе отсутствует комплексная типология моделей гуманитарного влияния стран БРИКС в Центральной Азии, несмотря на большое количество исследований публичной дипломатии отдельных стран объединения. Большинство работ сосредоточено либо на национальных стратегиях, либо на отдельных инструментах публичной дипломатии, что затрудняет выявление общих закономерностей и различий в подходах стран БРИКС.

Цель статьи – разработать и апробировать авторскую типологию моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии на основе сравнительного анализа образовательных, культурных, научных и информационных практик. Предполагается выявить основные типы гуманитарного присутствия государств БРИКС, определить их особенности и предложить теоретическую модель для сопоставления национальных стратегий в региональном контексте.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- проанализировать эволюцию теоретических подходов к публичной дипломатии и концепции *soft power*;

- охарактеризовать Центральную Азию как пространство гуманитарной конкуренции государств БРИКС;
- систематизировать основные инструменты публичной дипломатии стран БРИКС;
- разработать авторскую типологию моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, сравнительный анализ и метод кейс-стади. Теоретическая база включает концепции публичной дипломатии, soft power, гуманитарного сотрудничества и международных коммуникаций, представленные в трудах Дж. Ная, Я. Мелиссена, Н. Калла и других исследователей.

Научная новизна исследования заключается в разработке аналитической модели гуманитарного влияния стран БРИКС в Центральной Азии, объединяющей институциональные, коммуникационные и ресурсные параметры публичной дипломатии. Предлагаемая модель может использоваться в дальнейших сравнительных исследованиях публичной дипломатии и международного гуманитарного сотрудничества

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о публичной дипломатии стран БРИКС и уточнении подходов к анализу гуманитарного влияния в современных международных отношениях. Предложенная типология позволяет систематизировать существующие модели публичной дипломатии и расширяет возможности их сравнительного изучения в региональном контексте. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов при анализе гуманитарных стратегий стран БРИКС, разработке образовательных и культурных программ международного сотрудничества, а также в экспертно-аналитической деятельности, связанной с изучением процессов международного взаимодействия в Центральной Азии.

Эволюция концепции публичной дипломатии: от soft power к гуманитарному влиянию

Изменение характера международного взаимодействия, развитие глобальных коммуникаций, рост влияния негосударственных акторов и цифровизация информационного пространства привели к существенной трансформации традиционных дипломатических практик. Если классическая дипломатия исторически ориентировалась преимущественно на взаимодействие между государствами посредством официальных политических институтов, то современная публичная дипломатия предполагает воздействие на зарубежные общества, общественное мнение, экспертные сообщества и негосударственные организации.

Возрастание значения публичной дипломатии связано с изменением природы международной власти. В условиях глобализации способность государства добиваться внешнеполитических целей все чаще определяется не только военными или экономическими ресурсами, но и привлекательностью его культуры, политических ценностей, образовательной системы и международного имиджа.

Публичная дипломатия в современных международных отношениях рассматривается как важный инструмент реализации внешнеполитических интересов через взаимодействие с зарубежными обществами. Рост глобальной взаимозависимости, развитие коммуникационных технологий и усиление роли негосударственных акторов трансформировали традиционные дипломатические практики. В отличие от классической дипломатии, ориентированной на межгосударственные отношения и официальные институты, публичная дипломатия направлена

на работу с общественным мнением, экспертными сообществами, образовательными организациями и структурами гражданского общества.

Термин «публичная дипломатия» получил широкое распространение после работ американского дипломата Э. Галлиона, который в 1965 г. определил ее как деятельность по воздействию на общественное мнение зарубежных государств [Мелиссен, 2005]. В период холодной войны она развивалась преимущественно как инструмент международного информационного воздействия и вещания, однако последующие изменения мировой политики существенно расширили содержание данного понятия.

Значительное влияние на развитие теории публичной дипломатии оказала концепция «мягкой силы» (soft power) Дж. Най. Под ней понимается способность государства добиваться желаемых результатов за счет привлекательности культуры, политических ценностей и внешней политики, а не посредством принуждения или экономического давления [Най, 2004; Най, 2010]. В этой логике публичная дипломатия выступает механизмом преобразования ресурсов soft power в инструменты международного влияния.

Дальнейшая научная дискуссия выявила ограниченность исключительно имиджевого подхода. Существенный вклад в переосмысление концепции внесли Я. Мелиссен и Н. Калл. Я. Мелиссен [Най, 2004; Най, 2010] акцентирует переход от одностороннего информирования к устойчивому диалогу, а Н. Калл [Най, 2004; Най, 2010] структурирует публичную дипломатию как совокупность направлений (международное вещание, информационное присутствие, культурную дипломатию, образовательные обмены и построение долгосрочных отношений).

Расширение образовательного сотрудничества, научной дипломатии, культурных обменов и цифровых коммуникаций сместило акцент с формирования позитивного образа государства на создание устойчивых международных связей [Шогрен, 2007; Хенриксон, 2010]. В результате публичная дипломатия все чаще трактуется как механизм долгосрочного гуманитарного присутствия государства за рубежом.

В связи с этим целесообразно использовать более широкий аналитический подход, выходящий за рамки классической концепции soft power. Под гуманитарным влиянием в настоящем исследовании понимается способность государства формировать устойчивые связи с зарубежными обществами посредством образовательных, культурных, научных, информационных и цифровых институтов, обеспечивающих воспроизводство его присутствия независимо от текущей политической конъюнктуры.

Предлагаемая концепция гуманитарного влияния не отрицает теорию soft power, а представляет собой ее дальнейшее развитие и концептуальное уточнение применительно к современным условиям международного взаимодействия. Данная концепция близка к подходам national branding, cultural relations и science diplomacy [Анхольт, 2007; Джайлс, 2010].

В отличие от подхода Дж. Най, в котором международное влияние объясняется прежде всего привлекательностью государства и его способностью вызывать добровольную симпатию со стороны внешних аудиторий, концепция гуманитарного влияния рассматривает устойчивость такого воздействия как результат целенаправленно сформированных институциональных механизмов. В этой логике решающее значение приобретают не только культурная привлекательность и позитивный международный имидж государства, но и наличие развитой инфраструктуры взаимодействия, включающей образовательные программы, научные центры, культурные организации, экспертные сети и цифровые платформы. Именно благодаря этим механизмам формируются и поддерживаются устойчивые связи с зарубежными обществами. Таким образом, если soft power позволяет объяснить способность государства привлекать и

убеждать, то концепция гуманитарного влияния дает возможность анализировать причинно-следственные механизмы формирования устойчивого присутствия государства в зарубежном социальном и гуманитарном пространстве (таб.1).

Таблица 1 – Соотношение концепций soft power и гуманитарного влияния

Критерий	Soft power	Гуманитарное влияние
Основа влияния	Привлекательность государства	Устойчивые институциональные связи
Ключевой ресурс	Культура, ценности, имидж	Образовательные, научные и культурные институты
Основной механизм	Формирование позитивного восприятия	Формирование долгосрочного взаимодействия
Результат	Симпатия и доверие	Устойчивое гуманитарное присутствие
Горизонт воздействия	Средне- и долгосрочный	Преимущественно долгосрочный

В отличие от soft power, акцентирующей привлекательность государства и его образ, концепция гуманитарного влияния позволяет анализировать институциональные механизмы международного взаимодействия. Ключевое значение здесь имеют способность создавать образовательные сети, научные партнерства, культурные центры, цифровые платформы и другие формы долгосрочного присутствия.

Особую актуальность данный подход приобретает применительно к государствам БРИКС. В отличие от традиционных западных центров силы, страны объединения не обладают единым идеологическим проектом и используют различные механизмы международного позиционирования. Их публичная дипломатия во многом опирается на практики гуманитарного сотрудничества: образовательные программы, научные обмены, культурные инициативы и цифровые коммуникации.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что эволюция концепции публичной дипломатии отражает переход от преимущественно информационно-пропагандистской модели к модели устойчивого гуманитарного взаимодействия. Анализ публичной дипломатии государств БРИКС требует обращения не только к концепции soft power, но и к более широкому подходу, основанному на изучении механизмов гуманитарного влияния как формы долгосрочного международного присутствия.

Центральная Азия как пространство гуманитарной конкуренции государств БРИКС

Центральная Азия в XXI веке превратилась в один из наиболее значимых регионов Евразии, где пересекаются политические, экономические и гуманитарные интересы ведущих международных акторов [Аминов, 2021; Садыков, 2020]. Центральная Азия, включающая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, благодаря своему транзитному положению и ресурсному потенциалу стала объектом повышенного внимания со стороны как региональных, так и глобальных центров силы.

В современном понимании Центральная Азия включает пять государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. После распада Советского Союза государства региона столкнулись с необходимостью формирования новых моделей внешнеполитического взаимодействия и поиска баланса между различными центрами международного влияния.

Традиционно внимание исследователей к Центральной Азии было сосредоточено преимущественно на вопросах безопасности, энергетики и геополитики. Долгое время регион анализировался преимущественно в логике классической геополитики (безопасность, энергетика, контроль над Евразией). Однако в последние десятилетия исследовательская повестка существенно расширилась. Все большее внимание уделяется гуманитарным аспектам международного взаимодействия, вопросам идентичности, образовательной мобильности и конкуренции моделей развития.

В современной научной литературе можно выделить несколько основных подходов к интерпретации роли Центральной Азии в международных отношениях.

Согласно первому подходу, регион рассматривается преимущественно как объект геополитической конкуренции. Сторонники данной точки зрения акцентируют внимание на борьбе внешних акторов за политическое и экономическое влияние. Центральная Азия в данном случае выступает пространством соперничества различных интеграционных проектов и внешнеполитических стратегий [Аминов, 2021; Садыков, 2020].

Второй подход делает акцент на возрастающей субъектности государств региона. Исследователи отмечают, что государства Центральной Азии постепенно переходят от роли пассивных объектов внешнего воздействия к роли самостоятельных участников международных отношений, способных проводить многовекторную внешнюю политику и использовать конкуренцию внешних партнеров в собственных интересах. Подобная стратегия позволяет странам региона одновременно развивать сотрудничество с Россией, Китаем, Индией, государствами Европейского союза и другими международными акторами [Калл, 2008; Мелиссен, 2005].

Третий подход связан с изучением Центральной Азии как пространства конкуренции инструментов «мягкой силы». Именно данное направление представляется наиболее значимым для настоящего исследования. В рамках данного подхода внимание сосредоточено не на военных или экономических ресурсах государств, а на механизмах гуманитарного влияния, формировании общественных настроений и развитии долгосрочных социальных связей [Калл, 2008; Мелиссен, 2005].

Согласно концепции *soft power*, Центральная Азия выступает пространством конкуренции различных моделей культурного, образовательного и информационного воздействия. В отличие от традиционной геополитической борьбы, конкуренция «мягкой силы» предполагает использование менее конфронтационных инструментов влияния, направленных на формирование привлекательного образа государства и развитие устойчивых гуманитарных связей.

В научной литературе отмечается, что после распада Советского Союза в регионе постепенно сформировалось несколько конкурирующих моделей гуманитарного присутствия [Аминов, 2021; Садыков, 2020; Троицкий, 2017].

Российская модель базируется на исторически сложившихся культурных связях, распространении русского языка и сохранении единого образовательного пространства. Китайская модель строится на сочетании образовательной дипломатии, культурных инициатив и масштабного экономического сотрудничества. Индия делает ставку на культурную привлекательность, образовательные программы и развитие цифровых коммуникаций. В свою очередь, государства Запада активно используют образовательные обмены, программы развития гражданского общества и поддержку академической мобильности.

Особенностью Центральной Азии является то обстоятельство, что эффективность

публичной дипломатии в регионе во многом определяется историческими, языковыми и культурными факторами. По сравнению с другими регионами мира здесь сохраняется высокий уровень значимости образовательных и гуманитарных связей, сформировавшихся еще в советский период. Это создает дополнительные возможности для государств, обладающих развитой инфраструктурой культурного и образовательного присутствия.

Существенную роль в развитии публичной дипломатии играет демографическая структура региона [ЮНЕСКО, 2020; Всемирный банк, 2021].

По данным международных организаций, значительную часть населения Центральной Азии составляют молодые люди, активно вовлеченные в процессы цифровой коммуникации, международной образовательной мобильности и культурного обмена. В результате именно молодежь становится одной из ключевых целевых аудиторий публичной дипломатии внешних акторов.

В последние годы особое значение приобретают цифровые инструменты гуманитарного воздействия. Развитие социальных сетей, онлайн-образования и цифровых платформ существенно расширило возможности международного взаимодействия. Вследствие этого конкуренция государств за влияние в Центральной Азии все чаще осуществляется не только через традиционные культурные и образовательные проекты, но и посредством цифровой дипломатии.

Для государств БРИКС Центральная Азия представляет собой уникальную площадку реализации различных моделей публичной дипломатии. В отличие от многих других регионов мира, здесь одновременно присутствуют практически все основные инструменты гуманитарного воздействия: образовательные программы, культурные центры, языковые инициативы, академические обмены, научное сотрудничество и цифровые коммуникации. Это создает благоприятные условия для сравнительного анализа эффективности различных национальных стратегий публичной дипломатии.

На основе проведенного анализа представляется возможным выделить несколько факторов, определяющих привлекательность Центральной Азии для государств БРИКС (таб.2).

Таблица 2 – Факторы значимости Центральной Азии для публичной дипломатии государств БРИКС

Фактор	Значение для публичной дипломатии
Географическое положение	Связующее звено между Европой и Азией
Молодая демографическая структура	Высокий потенциал образовательного и культурного воздействия
Историко-культурные связи	Возможность формирования долгосрочных гуманитарных отношений
Развитие цифровой среды	Расширение инструментов цифровой дипломатии
Многовекторная внешняя политика государств региона	Конкуренция различных моделей «мягкой силы»

Выделенные факторы опираются на современные исследования Центральной Азии и международные отчеты по вопросам образования, демографии и развития региона [Аминов, 2021; Садыков, 2020; ЮНЕСКО, 2020; Всемирный банк, 2021].

Подводя выводы, Центральная Азия представляет собой пространство пересечения различных моделей гуманитарного влияния, реализуемых как региональными, так и глобальными акторами. Сочетание выгодного географического положения, молодой

демографической структуры, многовекторной внешней политики государств региона и активной цифровой трансформации формирует благоприятные условия для развития и конкуренции инструментов публичной дипломатии. Центральная Азия характеризуется одновременным присутствием различных образовательных, культурных, научных и информационных стратегий внешних акторов, что позволяет проводить их сопоставительный анализ в рамках единого регионального пространства. В этой связи регион выступает своеобразным аналитическим полигоном для исследования особенностей публичной дипломатии государств БРИКС и выявления специфики реализуемых ими моделей гуманитарного влияния.

Публичная дипломатия БРИКС: теоретические модели и типология инструментов

Анализ современных исследований публичной дипломатии показывает отсутствие единого подхода к классификации ее инструментов применительно к государствам БРИКС [Попов, 2019; Сидоров, 2020; Федоров, 2018].

Большинство существующих типологий были разработаны на основе опыта западных государств, которые не всегда учитывают специфику стран Глобального Юга и их акцент на образовательном, научном и гуманитарном сотрудничестве. Кроме того, в условиях цифровой трансформации международных отношений традиционные классификации нуждаются в дополнении новыми формами взаимодействия, связанными с цифровыми коммуникациями и транснациональными научно-образовательными сетями.

В целях настоящего исследования предлагается авторская классификация инструментов публичной дипломатии стран БРИКС, адаптированная к анализу их деятельности в Центральной Азии (таб.3).

Таблица 3 – Авторская классификация инструментов публичной дипломатии стран БРИКС

Категория инструментов	Содержание
Образовательные	Академическая мобильность, стипендии, подготовка иностранных студентов
Культурные	Языковые программы, культурные центры, фестивали и выставки
Информационные	Международное вещание, медиаресурсы, информационные платформы
Цифровые	Социальные сети, онлайн-коммуникации, цифровые образовательные проекты
Научно-академические	Совместные исследования, экспертные сети, научные центры
Гуманитарные	Молодежные программы, общественная дипломатия, проекты развития

Предлагаемая классификация адаптирована к исследованию государств БРИКС и Центральной Азии и позволяет объединить как классические элементы публичной дипломатии, выделенные Н. Каллом [Калл, 2008] (международное вещание, культурная дипломатия, образовательные обмены и relationship building), так и новые формы гуманитарного взаимодействия, связанные с цифровизацией международных коммуникаций, развитием научно-образовательных сетей и транснациональных экспертных сообществ [Калл, 2008]. Данная классификация позволяет учитывать институциональные механизмы долгосрочного гуманитарного присутствия и воспроизводства международного влияния. Также в рамках

исследования данные практики рассматриваются как инструменты публичной дипломатии в том случае, если они способствуют формированию устойчивых международных связей и положительного восприятия государства среди зарубежных обществ.

Использование данной типологии создает основу для дальнейшего анализа национальных моделей публичной дипломатии государств БРИКС и позволяет выявить различия в структуре и приоритетах их гуманитарного присутствия в Центральной Азии.

Авторская типология моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии

Проведенный анализ теоретических подходов к публичной дипломатии, а также особенностей гуманитарного присутствия стран БРИКС в Центральной Азии позволяет выделить несколько устойчивых моделей реализации гуманитарного влияния. В отличие от подходов, рассматривающих объединение БРИКС как относительно однородную группу стран Глобального Юга [Калл, 2008], настоящее исследование исходит из того, что каждая страна использует собственную конфигурацию инструментов публичной дипломатии, обусловленную историческими, политическими, культурными и институциональными особенностями.

В качестве критериев типологизации используются уровень институционального присутствия, роль образовательной дипломатии, значение языковых и культурных ресурсов, развитие научно-академического сотрудничества, использование цифровых инструментов, а также степень интеграции гуманитарных механизмов с экономическими проектами.

Историко-институциональная модель

Данная модель характера прежде всего для России. Ее специфика заключается в опоре на исторически сложившееся гуманитарное пространство, сформированное в результате длительного политического, культурного и образовательного взаимодействия со странами Центральной Азии. Ключевыми элементами модели выступают распространение русского языка, сохранение общего образовательного пространства, деятельность филиалов российских университетов, работа Россотрудничества, а также участие регионов Российской Федерации в реализации международных гуманитарных проектов. Преимуществом модели является высокая степень институционализации и наличие устойчивых социальных связей, сформированных на протяжении длительного исторического периода.

Экономико-гуманитарная модель

Данная модель наиболее полно представлена Китаем. Ее отличительной особенностью является интеграция образовательных, культурных и научных инициатив с масштабными инфраструктурными и инвестиционными проектами. Важнейшими инструментами выступают инициатива «Один пояс – один путь», Институты Конфуция, государственные образовательные гранты, мастерские Лу Баня, а также программы научно-технического сотрудничества. В рамках данной модели гуманитарные механизмы выступают не самостоятельным направлением внешней политики, а частью комплексной стратегии международного присутствия, сочетающей экономическое и гуманитарное измерения.

Культурно-образовательная модель

Для Индии характера культурно-образовательная модель публичной дипломатии, основанная на использовании ресурсов национальной культуры и образовательного сотрудничества. Главную роль играют деятельность Индийского совета по культурным связям (ICCR), программы ITEC и e-ITEC, экспорт высшего образования, а также продвижение

индийской культуры посредством кинематографа, йоги и других элементов культурного наследия. Особенностью модели является относительно ограниченное институциональное присутствие при высокой культурной привлекательности и широком использовании механизмов образовательной дипломатии.

Многосторонне-сетевая модель

Бразилия и Южно-Африканская Республика реализуют преимущественно многосторонне-сетевую модель публичной дипломатии. В отличие от России, Китая и Индии, данные государства обладают ограниченным прямым присутствием в Центральной Азии и в большей степени используют возможности многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС. Основными инструментами выступают академические сети, научная кооперация, экспертные площадки, программы устойчивого развития и межуниверситетское взаимодействие. Данная модель характеризуется сравнительно низким уровнем институционализации, однако способствует формированию горизонтальных связей между научными и образовательными сообществами государств Глобального Юга.

Методика оценки моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии

Для построения авторской типологии и сравнительной матрицы использован качественный сравнительный анализ, основанный на сопоставлении ключевых характеристик публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии. Оценка осуществлялась по пяти критериям, отражающим степень развития и устойчивости гуманитарного присутствия государства в регионе.

- Институциональное присутствие (специализированные организации, культурные центры, филиалы университетов и иных структур).
- Образовательная дипломатия (масштабы академической мобильности, количество образовательных программ, стипендий, грантов, подготовка иностранных студентов).
- Культурно-языковое влияние (распространение языка, деятельность культурных центров, популярность культурных продуктов).
- Научно-академическое и цифровое сотрудничество (участие в совместных исследованиях, функционирование экспертных сетей, использование цифровых образовательных платформ и инструментов цифровой дипломатии).
- Интеграция гуманитарных и экономических механизмов (способность государства сочетать образовательные, культурные и научные проекты с программами экономического сотрудничества и развития инфраструктуры).

Каждый критерий оценивался по трехуровневой шкале: высокий уровень («+++»), средний уровень («++») и ограниченный уровень («+»). Итоговая оценка формировалась на основе совокупности показателей, выявленных в ходе анализа документов, статистических данных, программ образовательного и культурного сотрудничества, а также материалов международных организаций и научной литературы [Александров, 2019; Бобров, 2020; Громов, 2021; Денисов, 2020; Ершов, 2019; Зайцев, 2021; ЮНЕСКО, 2020; Всемирный банк, 2021].

Использование данной методики позволяет не только сопоставить инструменты публичной дипломатии различных стран БРИКС, но и определить их место в системе гуманитарного влияния Центральной Азии по двум ключевым параметрам: уровню институционализации и масштабу гуманитарного присутствия. Помимо этого, указанные критерии позволяют выявить

устойчивые модели реализации публичной дипломатии, различающиеся по структуре используемых инструментов и логике формирования гуманитарного влияния, а не отдельные национальные особенности государств БРИКС.

На основании проведенного анализа выделены четыре модели публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии. Стоит отметить, что в отличие от странового подхода, предполагающего описание отдельных государств, предложенная типология основана на доминирующем механизме гуманитарного влияния. Именно различия в структуре используемых инструментов позволяют выделить четыре самостоятельные модели публичной дипломатии

Предлагаемая типология носит аналитический характер и не ограничивается исключительно странами БРИКС. Выделенные модели могут применяться для исследования публичной дипломатии других государств Глобального Юга, а также использоваться при сравнительном анализе гуманитарного присутствия международных акторов в различных регионах мира. Помимо этого, данная типология не исключает выделения дополнительных моделей по мере расширения эмпирической базы исследования.

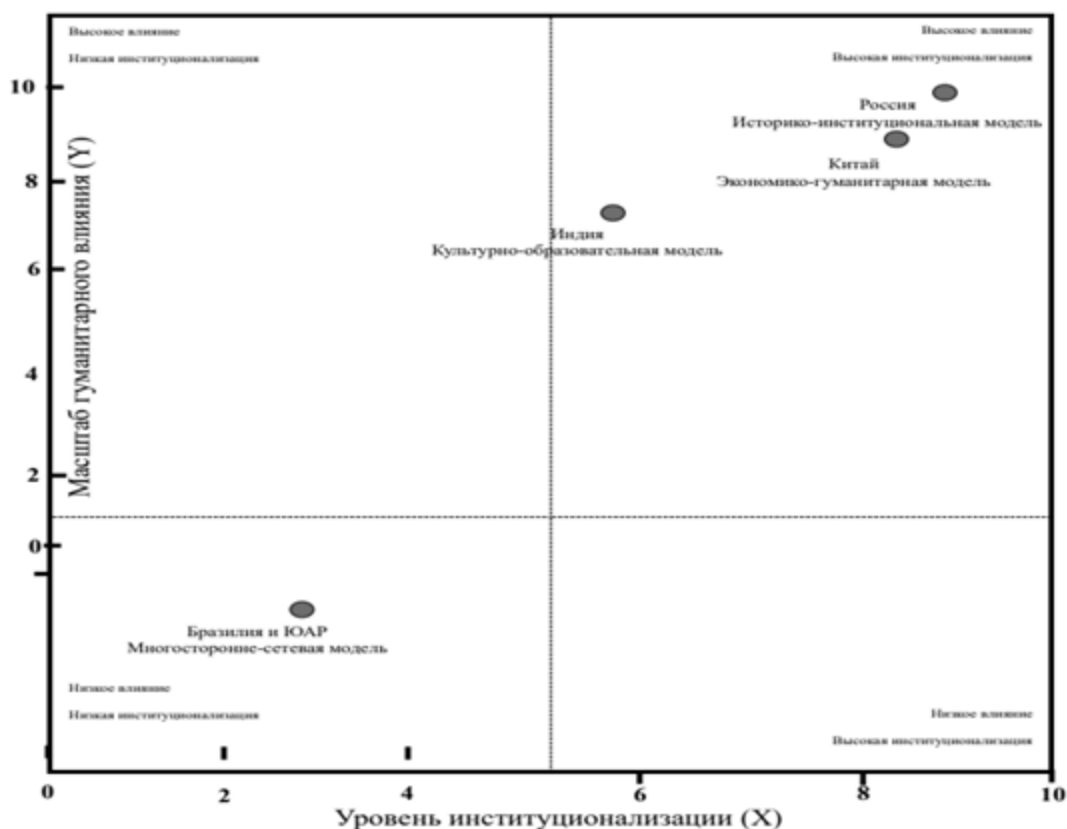
Теоретическая универсальность предложенной модели заключается в возможности ее адаптации к исследованиям публичной дипломатии в Африке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и других регионах, где наблюдается конкуренция различных механизмов гуманитарного влияния. В этом контексте типология может рассматриваться, как инструмент сравнительного анализа современных форм публичной дипломатии в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Таблица 4 – Типология моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии

Критерий	Историко-институциональная модель (Россия)	Экономико-гуманитарная модель (Китай)	Культурно-образовательная модель (Индия)	Многосторонне-сетевая модель (Бразилия и ЮАР)
Институциональное присутствие	+++	+++	++	+
Образовательная дипломатия	+++	+++	++	+
Языковая и культурная компонента	+++	++	+++	+
Научно-академическое сотрудничество	++	++	++	++
Цифровая дипломатия	++	++	++	+
Связь с экономическими проектами	+	+++	+	+
Общий уровень гуманитарного присутствия	+++	+++	++	+

Примечание: «+++» - высокий уровень развития; «++» - средний уровень; «+» - ограниченный уровень.

Для визуализации результатов авторской типологизации и сравнительной оценки моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии разработана матрица распределения гуманитарного влияния (рис. 1).



Источник: разработано автором.

Рисунок 1 – Концептуальная матрица авторского распределения моделей гуманитарного влияния государств БРИКС в Центральной Азии

По оси X отражен уровень институционализации публичной дипломатии (наличие образовательных центров, филиалов университетов, культурных институтов, специализированных программ и организаций).

По оси Y отражен масштаб гуманитарного влияния, определяемый охватом аудитории, устойчивостью гуманитарных связей и способностью государства воспроизводить собственное присутствие в регионе, посредством образовательных, культурных, научных и цифровых инструментов.

Представленная матрица носит концептуально-аналитический характер и позволяет визуализировать соотношение уровня институционализации и масштаба гуманитарного влияния различных моделей публичной дипломатии стран БРИКС в Центральной Азии. Размещение государств в пределах матрицы основано на сравнительном качественном анализе структуры используемых инструментов публичной дипломатии и степени их институционального развития.

Бразилия и ЮАР объединены в одну модель, поскольку на текущем этапе они демонстрируют одинаковый тип поведения в Центральной Азии. Для обеих стран характерны такие признаки, как: ограниченное институциональное присутствие; отсутствие масштабных образовательных программ, языкового ресурса и собственных гуманитарных инфраструктур в регионе; реализация активности преимущественно через механизмы БРИКС и международные сети. Как следствие, они образуют один тип модели.

Исходя из вышеперечисленного, матрица демонстрирует существенную неоднородность моделей публичной дипломатии государств БРИКС в Центральной Азии. Россия и Китай занимают лидирующие позиции благодаря сочетанию высокого уровня институционализации и значительного масштаба гуманитарного влияния. Индия формирует самостоятельную культурно-образовательную модель со средним уровнем институционального присутствия, тогда как Бразилия и Южно-Африканская Республика реализуют преимущественно многосторонние сетевые стратегии, характеризующиеся ограниченным прямым присутствием в регионе. Тем самым, государства БРИКС выступают не как единый гуманитарный актор, а как совокупность различных моделей публичной дипломатии, реализующих собственные механизмы влияния в Центральной Азии, различающихся по уровню институционализации и механизмам формирования международной привлекательности.

Заключение

Проведенное исследование показало, что классическая концепция *soft power*, акцентирующая внимание на привлекательности культуры, ценностей и внешнеполитического курса, недостаточна для анализа современных форм международного гуманитарного взаимодействия. В этой связи предложено рассматривать публичную дипломатию через концепцию гуманитарного влияния, понимаемого как способность государства формировать устойчивые долгосрочные связи с зарубежными обществами посредством образовательных, культурных, научных, информационных и цифровых институтов.

Анализ Центральной Азии показал, что регион выступает одним из ключевых пространств гуманитарной конкуренции государств БРИКС. Его геополитическое положение, молодая социальная структура и многовекторная внешняя политика создают благоприятные условия для реализации различных стратегий публичной дипломатии и закрепления долгосрочного гуманитарного присутствия внешних акторов.

Предложенная классификация инструментов публичной дипломатии (образовательных, культурных, информационных, цифровых, научно-академических и гуманитарных) позволила систематизировать основные направления гуманитарного воздействия и адаптировать их к анализу деятельности государств БРИКС в Центральной Азии.

Ключевым результатом исследования стала разработка авторской типологии моделей публичной дипломатии стран БРИКС в Центральной Азии. На основе сравнительного анализа выделены четыре модели — историко-институциональная модель, экономико-гуманитарная, культурно-образовательная и многосторонне-сетевая. Модели демонстрируют принципиальную неоднородность гуманитарного поведения стран БРИКС и различия в их стратегиях международного позиционирования в региональном контексте.

Проведённый анализ ограничен обращением к государствам-основателям БРИКС и не включает новых участников объединения, что определяет одно из методологических ограничений исследования. Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая проверка разработанной типологии на основе сравнительного анализа инструментов публичной дипломатии стран БРИКС в Центральной Азии, а также ее применение к другим регионам Глобального Юга. Это позволит уточнить механизмы формирования гуманитарного влияния в современных международных отношениях и расширить возможности сравнительных исследований публичной дипломатии новых центров мировой политики.

Библиография

1. Александров С.В. Публичная дипломатия стран БРИКС в Центральной Азии: сравнительный анализ образовательных программ // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6. С. 45-62.
2. Аминов Т.Ш. Центральная Азия в системе международных отношений: геополитический и гуманитарный аспекты // Центрально-Азиатский вестник. 2021. № 3. С. 12-29.
3. Анхольт С. Брендинг наций: создание конкурентной идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 4. С. 56-68.
4. Бобров И.В. Образовательная мобильность в Центральной Азии: факторы и тренды // Высшее образование в России. 2020. № 2. С. 78-90.
5. Громов Д.С. Институты Конфуция как инструмент китайской публичной дипломатии // Китай в мировой и региональной политике. 2021. № 4. С. 112-128.
6. Денисов А.А. Научная дипломатия как механизм гуманитарного сотрудничества // Наука и международные отношения. 2020. № 1. С. 34-49.
7. Джайлс Б. Научная дипломатия: концептуальные подходы и практические измерения // Международные процессы. 2010. № 2. С. 45-60.
8. Ершов П.А. БРИКС и Глобальный Юг: перспективы гуманитарного сотрудничества // Политическая наука. 2019. № 3. С. 89-104.
9. Зайцев М.Н. Цифровая дипломатия стран БРИКС: инструменты и практики // Коммуникации в современном мире. 2021. № 5. С. 56-71.
10. Калл Н. Публичная дипломатия: новые вызовы и стратегии // Внешняя политика. 2008. № 1. С. 23-38.
11. Мелиссен Я. Новая публичная дипломатия: от вещания к диалогу // Дипломатический вестник. 2005. № 3. С. 12-27.
12. Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. М.: Альпина Паблишер, 2004. 280 с.
13. Най Дж. Будущее власти. М.: Альпина Паблишер, 2010. 320 с.
14. Попов А.В. Публичная дипломатия БРИКС: теоретические основания и практические модели // Мировая политика. 2019. № 2. С. 67-82.
15. Садыков Б.К. Геополитическое положение Центральной Азии и стратегии внешних акторов // Вестник КазНУ. 2020. № 4. С. 45-59.
16. Сидоров И.П. БРИКС как актор гуманитарного влияния: возможности и ограничения // Международные отношения. 2020. № 3. С. 78-93.
17. Троицкий М.А. Центральная Азия в стратегиях мировых держав: конкуренция и сотрудничество // Геополитика и безопасность. 2017. № 4. С. 34-51.
18. Федоров Д.С. Методологические подходы к исследованию публичной дипломатии // Социально-гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 23-40.
19. Хенриксон А. Цифровая дипломатия в XXI веке: вызовы и возможности // Современные коммуникации. 2010. № 5. С. 34-50.
20. Шогрен С. Культурная дипломатия и международное влияние // Мировая культура и политика. 2007. № 6. С. 12-28.
21. ЮНЕСКО. Доклад о высшем образовании в Центральной Азии. Париж: ЮНЕСКО, 2020. 180 с.
22. Всемирный банк. Образование и развитие человеческого капитала в Центральной Азии. Вашингтон: Всемирный банк, 2021. 220 с.

BRICS Public Diplomacy in Central Asia: From Soft Power to Humanitarian Influence

Marat R. Saifullin

Postgraduate Student,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: saifullin@mail.ru

Elena A. Tereshina

PhD in Politics, Associate Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: teralena2010@mail.ru

Abstract

The article examines the evolution of BRICS public diplomacy in Central Asia — from traditional instruments of "soft power" to the formation of sustainable humanitarian influence. The authors analyze the institutional mechanisms and practical projects of BRICS in the region, revealing their role in constructing a positive image of the association and promoting development models alternative to Western ones. Special attention is paid to cultural and educational exchanges, scientific and technical cooperation, and youth policy as key areas of humanitarian presence. A conclusion is drawn about the transformation of BRICS public diplomacy from a set of disparate initiatives into a systemic instrument for forming long-term value-oriented ties that contribute to strengthening the multipolar world order.

For citation

Saifullin M.R., Tereshina E.A. (2026) Publichnaya diplomatiya BRIKS v Tsentral'noy Azii: ot soft power k gumanitarnomu vliyaniyu [BRICS Public Diplomacy in Central Asia: From Soft Power to Humanitarian Influence]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 227-242. DOI: 10.34670/AR.2026.88.14.029

Keywords

Public diplomacy, BRICS, Central Asia, soft power, humanitarian influence, cultural diplomacy, educational exchanges, multipolarity, international relations, regional cooperation, foreign policy.

References

1. Aleksandrov, S. V. (2019). Publichnaya diplomatiya stran BRIKS v Tsentralnoy Azii: sravnitel'nyy analiz obrazovatel'nykh programm [BRICS public diplomacy in Central Asia: A comparative analysis of educational programs]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (6), 45-62.
2. Aminov, T. S. (2021). Tsentralnaya Aziya v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: geopoliticheskiy i gumanitarnyy aspekty [Central Asia in the international relations system: Geopolitical and humanitarian aspects]. *Tsentralno-Aziatskiy vestnik*, (3), 12-29.
3. Anholt, S. (2007). Branding natsiy: sozdaniye konkurentnoy identichnosti [Nation branding: Creating competitive identity]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, (4), 56-68.
4. Bobrov, I. V. (2020). Obrazovatel'naya mobilnost v Tsentralnoy Azii: faktory i trendy [Educational mobility in Central Asia: Factors and trends]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, (2), 78-90.
5. Denisov, A. A. (2020). Nauchnaya diplomatiya kak mekhanizm gumanitarnogo sotrudnichestva [Science diplomacy as a mechanism of humanitarian cooperation]. *Nauka i mezhdunarodnyye otnosheniya*, (1), 34-49.
6. Ershov, P. A. (2019). BRIKS i Globalnyy Yug: perspektivy gumanitarnogo sotrudnichestva [BRICS and the Global South: Prospects for humanitarian cooperation]. *Politicheskaya nauka*, (3), 89-104.
7. Fedorov, D. S. (2018). Metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu publichnoy diplomatii [Methodological approaches to public diplomacy research]. *Sotsialno-gumanitarnyye nauki*, (1), 23-40.
8. Giles, B. (2010). Nauchnaya diplomatiya: kontseptualnyye podkhody i prakticheskiye izmereniya [Science diplomacy: Conceptual approaches and practical dimensions]. *Mezhdunarodnyye protsessy*, (2), 45-60.
9. Gromov, D. S. (2021). Instituty Konfutsiya kak instrument kitayskoy publichnoy diplomatii [Confucius Institutes as a tool of Chinese public diplomacy]. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike*, (4), 112-128.

10. Henrikson, A. (2010). Tsifrovaya diplomatiya v XXI veke: vyzovy i vozmozhnosti [Digital diplomacy in the 21st century: Challenges and opportunities]. *Sovremennyye kommunikatsii*, (5), 34-50.
11. Kall, N. (2008). Publichnaya diplomatiya: novyye vyzovy i strategii [Public diplomacy: New challenges and strategies]. *Vneshnyaya politika*, (1), 23-38.
12. Melissen, J. (2005). Novaya publichnaya diplomatiya: ot veshchaniya k dialogu [New public diplomacy: From broadcasting to dialogue]. *Diplomaticheskii vestnik*, (3), 12-27.
13. Nye, J. (2004). *Gibkaya vlast: kak dobitya uspekha v mirovoy politike* [Soft power: The means to success in world politics]. Alpina Publisher.
14. Nye, J. (2010). *Budushcheye vlasti* [The future of power]. Alpina Publisher.
15. Popov, A. V. (2019). Publichnaya diplomatiya BRIKS: teoreticheskiye osnovaniya i prakticheskiye modeli [BRICS public diplomacy: Theoretical foundations and practical models]. *Mirovaya politika*, (2), 67-82.
16. Sadykov, B. K. (2020). Geopoliticheskoye polozheniye Tsentralnoy Azii i strategii vneshnikh aktorov [Geopolitical position of Central Asia and strategies of external actors]. *Vestnik KazNU*, (4), 45-59.
17. Shogren, S. (2007). Kulturnaya diplomatiya i mezhdunarodnoye vliyaniye [Cultural diplomacy and international influence]. *Mirovaya kultura i politika*, (6), 12-28.
18. Sidorov, I. P. (2020). BRIKS kak aktor gumanitarnogo vliyaniya: vozmozhnosti i ogranicheniya [BRICS as an actor of humanitarian influence: Opportunities and limitations]. *Mezhdunarodnyye otnosheniya*, (3), 78-93.
19. Troitsky, M. A. (2017). Tsentralnaya Aziya v strategiyakh mirovykh derzhav: konkurentsia i sotrudnichestvo [Central Asia in the strategies of world powers: Competition and cooperation]. *Geopolitika i bezopasnost*, (4), 34-51.
20. UNESCO. (2020). *Doklad o vysshemobrazovanii v Tsentralnoy Azii* [Report on higher education in Central Asia]. UNESCO.
21. World Bank. (2021). *Obrazovaniye i razvitiye chelovecheskogo kapitala v Tsentralnoy Azii* [Education and human capital development in Central Asia]. World Bank.
22. Zaytsev, M. N. (2021). Tsifrovaya diplomatiya stran BRIKS: instrumenty i praktiki [BRICS countries' digital diplomacy: Tools and practices]. *Kommunikatsii v sovremennom mire*, (5), 56-71.